КНИГИ ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

Евгений Пермяк

Торопливый ножик

Рассказы



эксмодетство

Торопливый ножик. Рассказы

Евгений Андреевич Пермяк

Аннотация
Евгений Пермяк. Торопливый ножик. Рассказы
Для чего руки нужны
Торопливый ножик
Первая рыбка
Как Миша хотел маму перехитрить
Раки
Бумажный змей
Птичьи домики
Мамина работа
Мой мяч
Двойка
Самое страшное
Удачливый рыбак
Филя
За что?
Лёва
Перо и чернильница
Новые имена
Крылатая изменщица
Две пословицы
Пичугин мост

Надёжный человек
Знакомые следы
Дедушкин характер
Славка
Дудилка
Про Вову и кошку
Сластёна-своевольник
Толковый мальчик
Ребячий песельник

Аннотация

Добрые, мудрые и поучительные истории Евгения Пермяка о честности, труде и ответственности давно стали классикой российской детской литературы. В сборник вошли 28 рассказов, среди которых «Торопливый ножик», «Две пословицы», «Бумажный змей», «Пичугин мост» и другие. Иллюстрации петербургского художника Владимира Канивца.

Евгений Пермяк
Торопливый ножик. Рассказы

© Пермяк Е.А., текст, наследники, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *



Для чего руки нужны



Петя с дедушкой большими друзьями были. Обо всём разговаривали.

Спросил как-то дедушка внука:

— А для чего, Петенька, людям руки нужны?

— Чтобы в мячик играть, — ответил Петя.

— А ещё для чего? — спросил дед.

— Чтобы ложку держать.

— А ещё?

— Чтобы кошку гладить.

— А ещё?

— Чтобы камешки в речку бросать…

Весь вечер отвечал Петя дедушке. Правильно отвечал. Только по своим рукам обо всех других судил, а не по маминым, не по папиным, не по трудовым, рабочим рукам, которыми вся жизнь, весь белый свет держится.

Торопливый ножик



Строгал Митя палочку, строгал да бросил. Косая палочка получилась. Неровная. Некрасивая.

— Как же это так? — спрашивает Митю отец.

— Ножик плохой, — отвечает Митя, — косо строгает.

— Да нет, — говорит отец, — ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

— А как? — спрашивает Митя.

— А вот так, — сказал отец.

Взял палочку да принялся её строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и тоже стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Долго торопливый ножик не хотел слушаться. Торопился: то вкривь, то вкось норовил вильнуть, да не вышло. Заставил его Митя терпеливым быть.

Хорошо стал строгать ножик. Ровно. Красиво. Послушно.

Первая рыбка



Юра жил в большой и дружной семье. Все в этой семье работали. Только один Юра не работал. Ему всего пять лет было.

Один раз поехала Юрина семья рыбу ловить и уху варить. Много рыбы поймали и всю бабушке отдали. Юра тоже одну рыбку поймал. Ерша. И тоже бабушке отдал. Для ухи.

Сварила бабушка уху. Вся семья на берегу вокруг котелка уселась и давай уху нахваливать:

— Оттого наша уха вкусна, что Юра большущего ерша поймал. Потому наша уха жирна да навариста, что ершище жирнее сома.

А Юра хоть и маленький был, а понимал, что взрослые шутят. Велик ли навар от крохотного ершишки? Но он всё равно радовался. Радовался потому, что в большой семейной ухе была и его маленькая рыбка.



Как Миша хотел маму перехитрить



Пришла Мишина мама после работы домой и руками всплеснула:

— Как же это ты, Мишенька, сумел у велосипеда колесо отломать?

— Оно, мама, само отломалось.

— А почему у тебя, Миша, рубашка разорвана?

— Она, мамочка, сама разорвалась.

— А куда твой второй башмак делся? Где ты его потерял?

— Он, мама, сам куда-то потерялся.

Тогда Мишина мама сказала:

— Какие они все нехорошие! Их, негодников, нужно проучить!

— А как? — спросил Миша.

— Очень просто, — ответила мама. — Если они научились сами ломаться, сами разрываться и сами теряться, пусть научатся сами чиниться, сами зашиваться, сами находиться. А мы с тобой, Миша, дома посидим и подождём, когда они это всё сделают.

Сел Миша у сломанного велосипеда, в разорванной рубашке, без башмака, и крепко задумался. Видимо, было над чем задуматься этому мальчику.



Раки



Речка Берёзовка хоть и маленькая, да рыбная. А вот раков в Берёзовке не было. Перевелись, да и всё.

— В старые годы, когда мы мальчишками были, по сотне, по две раков из Берёзовки добывали, — рассказывал Ванин дедушка.

И Тишина бабушка говорила то же самое.

А в соседней речке Вертушинке раки не переводились.

Только ходить туда было далеко. Через лес да ещё через болото.

Как-то Тиша сказал Ване:

— Давай, Ванёк, наловим по корзинке вертушинских раков да и выпустим их в нашу Берёзовку.

— А зачем? — спросил Ваня.

— Чтобы они опять развелись.



— Да пока они разведутся, их ребята всех до одного повыловят.

Не стал спорить Тиша, хоть и знал, что нельзя

всех раков выловить. Пусть сотня да останется. А эта сотня столько икры вымечет, что раков потом и не сосчитаешь.

На этом и кончился разговор.

Прошёл год… Ваня и Тиша уже в третий класс перешли. И, как раньше, в свободное время удили рыбу.

Как-то закинул Ваня крючок на ерша, а поймал озорного рачонка.

— Тиша! — закричал Ваня. — У нас в речке раки сами собой развелись!

Тиша увидел молоденького рачонка и больше Вани обрадовался. Значит, не зря он прошлым летом на Вертушинку ходил. Один. Через лес да ещё через болото.



Бумажный змей



Хороший ветерок подул. Ровный. В такой ветер бумажный змей высоко летает. Туго нитку натягивает. Весело мочальный хвост развевает. Красота!

Задумал Боря своего змея сделать. Лист бумаги у него был. И дранки он выстрогал. Да недоставало мочала на хвост да ниток, на которых змея пускают.

А у Сёмы большой моток ниток был. Ему есть на чём змея пускать. Ему бы лист бумаги да мочала на хвост достать, тоже бы своего змея запустил.

Мочало у Пети было. Он его давно для змея припас. Ниток только ему не хватало да бумажного листа с дранками.

У всех всё есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает.

Сидят мальчики на пригорке и горюют. Боря свой лист с дранками к груди прижимает. Сёма свои нитки в кулак зажал. Петя своё мочало за пазухой прячет.

Хороший ветерок дует. Ровный. Высоко в небо другие ребята змея запустили. Весело он мочальный хвост развевает. Туго нитку натягивает. Красота!

Боря, Сёма и Петя тоже бы такого змея могли запустить. Даже лучше. Только дружить они ещё не научились — вот в чём беда.

Птичьи домики



Вася и Ваня ещё в третьем классе решили стать строителями. Большие дома решили строить. Но это ещё не скоро будет. А строить хочется.

Вот и придумали два товарища с маленьких домов начинать. С птичьих домиков.

Хоть и прост дом для скворцов, а строить его непросто. В прошлом году ребята много наделали скворечниц, да только скворцы не стали в них жить. Со щелями оказались домики. И гвозди внутри торчали. А скворцы — птицы разборчи-

вые: не во всяком доме живут.

Знают это Вася и Ваня. Доски остругивают гладко. Сколачивают их плотно, чтобы ни одной щели не осталось. И гвозди аккуратно вбивают.

Сразу видно — хорошие строители вырастут из этих ребят. И дома, которые построят Вася и Ваня, будут такими же прочными и удобными, как птичьи домики…

Большие мастера видны и в ребячьих делах.



Мамина работа

Петина мама была штукатуром. Она штукатурила дома.

Давно хотелось Пете посмотреть, как это делается, да всё не удавалось.

Как-то раз мама сказала Пете:

— Выходи, сынок, завтра на балкон. Увидишь, как мы наш старый дом будем в новое платье одевать.

Не понял Петя, как это можно дом в платье одеть, но спрашивать не стал. «Сам увижу», — решил он про себя.

Утром выбежал Петя на балкон. Смотрит, рядом ещё один балкон появился. Да не простой, а висячий… Хочешь — подымешь его, хочешь — опустишь.

А на висячем балконе стоит мама с какой-то девушкой.

«Это, наверное, мамина помощница», — подумал Петя.

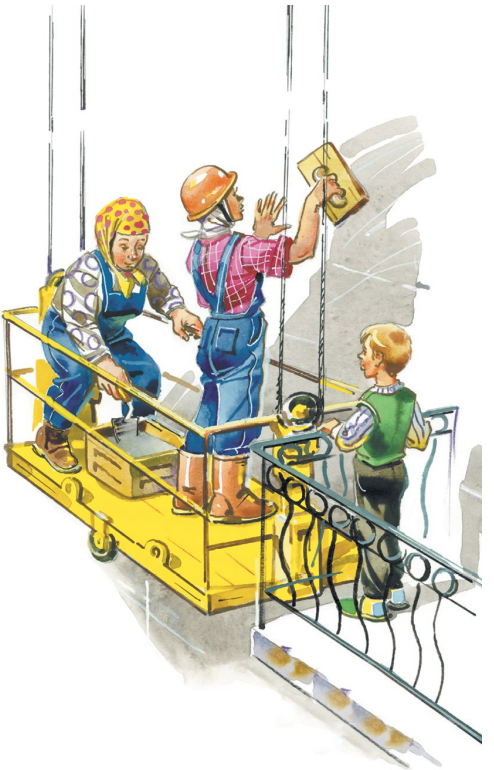
Возле помощницы стояло большое дощатое корыто с серым тестом. Девушка брала это тесто маленькой лопаточкой и набрасывала на стену

дома. А Петина мать разглаживала его ровным-ровнёшенько.

Долго смотрел Петя на мамину работу, пока не увидел, что серое тесто на стене стало твёрдым и белым.

Понял теперь Петя, как дом в платья одевают. Захотелось ему скорее вырасти, чтобы самому научиться наряжать дома в красивую одежду.

Хорошая это работа. Нужная.



Мой мяч

Хороший мяч прислал дедушка своему внуку Алику. Такой красивый, что и нарисовать трудно. Половина мяча синяя-синяя, как небо. Другая половина ярко-красная, как летняя заря. И весь он такой блестящий, такой лакированный, что в нём и окошки, и стены, и Аликово лицо отражаются, как в зеркале. А величиной мяч с арбуз. Даже больше арбуза.

Все любуются мячом. И папа, и мама, а уж про ребят и говорить нечего. Гладят мяч, как котёнка или щенка.

— Поосторожнее, — просит их Алик. — Лак сотрёте. Он помутнеет и не будет блестеть.

Ребята попризадумались. Перестали гладить мяч. Только один из них спросил:

— А для чего же тогда мяч, если его трогать нельзя?

— Мало ли для чего… Он может и лежать или в сетке над моей кроватью висеть, — ответил Алик. — Мой мяч, и я его буду беречь.

Долго ребята уговаривали Алика поиграть с ними красивым мячом. Разные игры предлагали.

Интересные. Мало ли на свете есть игр с мячом. Из рук в руки и то хорошо побросать.



И Алику тоже хотелось с мячом порезвиться,

да жалко его. Мяч-то ведь его, а играть будут все. Игральщиков полон двор.

Так вот Алик и не играл в мяч. В одиночку какая игра…

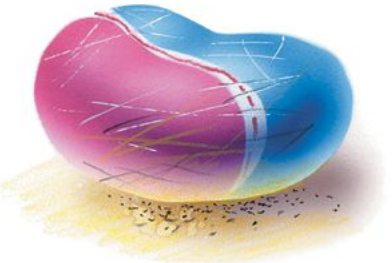
Как-то стал вытирать Алик свой мяч и заметил, что он весь в трещинках.

Алик протёр его мокрой тряпочкой. Умыл, а от этого только хуже стало. Лаковая плёночка стала скручиваться на мяче и шелушиться. Тут на счастье дедушка из Москвы в гости приехал. Алик к нему.

Дед посмотрел на мяч, потрогал его, а он как пустой кошель. Воздух из мяча через трещинки вышел.

Порасспросил дед внука, как он обращался со своим мячом. И когда ему Алик рассказал всё, дед покачал головой, вздохнул и сказал:

— Долго прожил твой мяч, да зря. Никому радости не принёс.



Двойка



На школьном дворе жила кудлатая собачонка. Её звали Двойка. Почему ей дали такую кличку, никто не знал.

Только все знали, что малыши обижали её.

— Ах ты, негодная Двойка!.. Вот тебе!.. Вот тебе!..

В Двойку бросали камни, загоняли её в кусты. Она жалобно скулила.

Однажды учительница Мария Ивановна увиде-

ла это и сказала:

— Разве можно плохо относиться к собаке только за то, что у неё плохое имя? Мало ли кому на свете даны плохие имена. Ведь не по ним судят, а по тому, кому они принадлежат.

Малыши смолкли. Призадумались над этими словами. А потом приласкали Двойку и угостили её кто чем мог. Вскоре оказалось, что Двойка очень хорошая и понятливая собачонка. Её даже хотели назвать Пятёркой, но одна девочка сказала:

— Ребята, разве дело в названии?

Самое страшное



Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал. Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил.

Никого не боялся Вова. Ничего ему страшно не было. И этим он очень гордился. Гордился, да недолго.





Настал такой день, когда мальчики не захотели с ним играть. Оставили его — и всё. Он к девочкам

побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушку, а тот на улицу убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а тот на шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится.

Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перебрался.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете. Вова остался один.

Один-одинёшенек!



Удачливый рыбак



На реке Усолке трое взрослых рыбаков за одно утро еле-еле два десятка плотвы наловили. А паренёк, сидевший поодаль, то и дело таскал рыбку за рыбкой и за утро поймал никак не менее пяти-шести десятков плотвиц.

Тогда рыбаки спросили у него:

— Почему у тебя такая удача, а у нас нет? Может быть, это место рыбное?

— Да нет, — ответил паренёк, — у меня всякое место рыбное.

Сказал он так и потянул за шнур. Потянул за шнур и вытянул пузатую бутыль из прозрачного стекла. Бутыль была наполнена водой, а в воде кишмя кишел отборный красный мотыль.

— Рыба видит его, а съесть не может. Вот и держится у бутылки целой стаей, а я свой крючок возле бутылки закидываю. Р-раз — и готово! — смеётся паренёк.

«Хитёр», — подумали рыбаки и переняли у мальца умную затею.

Филя

Хвалился Филя, что он всё может делать. Всё умеет.

Заставили Филю траву косить. Весь день Филя косил. Ничего не накосил. Только время потерял.

— Как же это ты, Филя, оплошал?

— Коса тупа и коса, — отвечает Филя, — то в землю норовит воткнуться, то поверх травы косит. Я лучше коров буду пасти.

Стал Филя коров пасти. Разбрелось стадо. Еле собрали.

— Как же это ты, Филя, оплошал?



— А это не я оплошал, — отвечает Филя. — Это хозяева. Они ноги коровам не связали. А как их несвязанных пасти? Разбредаются. Я лучше баркас буду водить. В рулевые пойду.

Стал Филя баркас водить. Баркас туда-сюда

рыскает. Рыскал, рыскал да и сел на мель.

— Как же это ты, Филя, оплошал?

— Клина не дали, — отвечает Филя.

— Какого клина, Филенька?

— Того, которым руль заклинивают, чтобы баркас туда-сюда не поворачивался. Я лучше на скрипке играть стану.

Стал Филя на скрипке играть. Собаки на селе завыли, кошки по чердакам попрятались. Люди на улицу выбежали.

— Ты что это, Филя, народ полошишь? Зачем хвастал, что всё можешь?

— Да глазами-то я всё что хочешь сделать могу, только руки меня не слушаются. Они во всём и виноваты, а не я.

Опять Филя отговорился и правым оказался. Но работы верхогляду с тех пор никто больше не доверял.



За что?



Первоклассник Юра Ковров был очень счастлив, ему подарили в красивой клетке нарядную птицу — клеста. Клёст оказался угрюмым и молчаливым. Правда, он изредка выкрикивал какие-то тоскливые два звука.

— Какие?

— Кто знает какие, — отвечал Юре отец, — если бы приехал дядя Вася, сказал бы. Ему, лесничему, известен разговор всех лесных птиц.

И надо же было такому случиться — дядя Вася приехал и сказал:

— Твой клёст, Юрочка, задаёт один и тот же вопрос.

— Какой?

— За что?



Юра не понял и переспросил:

— Что значит «за что»?

— Не знаю, Юрочка, но думаю, что клёст не очень доволен своей новой квартирой в клетке.

Юра задумался. Потом сказал:

— Не выпускать же клеста зимой… Он может замёрзнуть…

— Да нет, Юрочка, — не согласился дядя. — Клесты наши зимние птицы и даже в студёные месяцы выводят птенцов. Может быть, и у твоего клеста остались голодные малыши…

Юра в этот вечер долго не мог уснуть. А уснув, отчётливо слышал: «За что? За что?» А потом это же повторилось несколькими тонкими голосами в гнезде. Юра увидел маленьких голеньких клестят. Они открывали клювики. Им явно хотелось есть.

Рано проснулся Юра и нетерпеливо ждал начала позднего рассвета. А дождавшись, взял клетку, открыл форточку и выпустил клеста.

Клёст, как никогда до этого, произнёс какие-то непонятные птичьи слова. Но Юра, не знавший птичьего языка, правильно понял их: «Спасибо, Юра!» Дядя Вася подтвердил это.

С тех пор Юра никогда не держал в клетке ни летних, ни зимних птиц. И если у кого-то видел

птицу, заточённую в клетку, всегда спрашивал: «За что?»



Лёва

Лёва Соколов был мальчишечьим заводилой.

Как-то шёл он с ребятами по Старо-Болотной улице и увидел лошадь, которая, выбиваясь из сил, не могла вытащить тяжёлый воз, застрявший в грязи.

— Ребята! — крикнул Лёва. — Давайте поиграем в лошадей, — и заржал тоненьким голосочком, как маленький жеребёнок.

Следом за ним заржали все ребята и превратились в быстроногих коней. Они стали брыкаться, взлягивать и бегать ретивым табунком.

И после того как ребята почувствовали себя конями, Лёва первый подбежал к застрявшему возу, а за ним полезли в топкую болотную жижу остальные, потому что настоящие лошади никогда не боятся луж и трудной дороги.

Ребята ухватились кто за оглобли, кто за бока телеги и помогли серой лошади вытянуть воз из глубокой грязи.

Довольная лошадь весело, как бы благодаря ребят, помахала им хвостом, а возница сказал:

— Ну и попадёт же вам дома, огольцы…

И он не ошибся.

Вечером, когда весёлые «лошади» снова стали мальчиками и вернулись домой, им было не очень весело. Всем досталось за промоченные ботинки и за испачканную одежду.

Всем, кроме Лёвы.

У них с мамой были особые отношения. Для Лёвы мать была самым любимым товарищем.



— Мам! — сказал Лёва. — Ну как можно было не помочь в беде лошади, если у неё были почти такие же печальные глаза, как у тебя, когда болел папа.

Лёва ждал, что мать всё-таки накажет его за испорченные башмаки, заработанные его отцом. А зарабатывать башмаки не так-то просто. Но мама вместо внушения принялась целовать сына, и у неё на глазах почему-то появились слёзы.

«Нет, не умеет мама по-настоящему меня воспитывать, — решил Лёва, — придётся её выручать».

Целых три вечера Лёва не выходил на улицу играть с ребятами в свою самую любимую игру — в лапту.

Пусть все знают, что и у него по-настоящему строгая мать.



Перо и чернильница



– **С**кажи, дедушка, — как-то спросил Серёжа, — откуда ты сказки берёшь?

— Из чернильницы, мой дружок, из чернильницы.

— А как ты их оттуда достаёшь, дедушка?

— Ручкой с пёрышком, милый внук, ручкой с пёрышком.

— Как рыбу удочкой?

— Да нет, мой маленький, так сказку не вы-

удишь, — говорит дедушка. — Сперва из чернильницы нужно добыть палочки да научиться их в тетрадку переносить. А потом — крючки. А потом — буквы. А потом — слова. А потом и сказка может зацепиться.

Поступил Серёжа в школу. Стал из чернильницы сказку добывать. Сначала — палочки. Потом — крючки. Потом — буквы. А потом — и слова. Много тетрадок исписал Серёжа, а сказка не зацепляется.

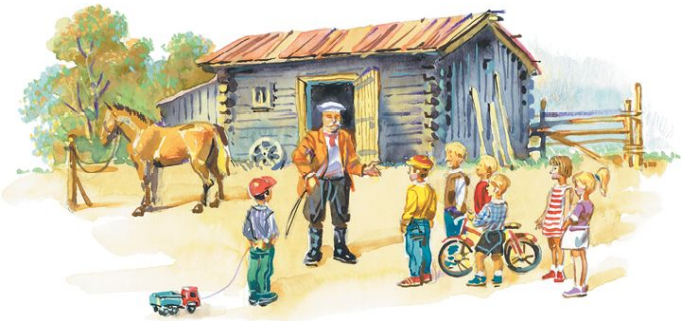
— Почему это, дедушка, так? Может быть, чернила у меня жидкие, или чернильница мелкая, или перо тупое?

— Не горюй, Сергей! — утешает дед. — Придёт время — не только сказку, а, может быть, что-нибудь покрупнее вытащишь… Если, конечно, не в одну чернильницу смотреть будешь, если без людей, сам по себе, жить не начнёшь, тогда и чернила будут гуще, и чернильница глубже, и перо острее…

Не всё тогда понял малый, а дедову притчу запомнил. На ус намотал — другим пересказал.



Новые имена



У главного конюха, у Корнея Сергеевича, водились хорошие охотничьи собаки. Щенков этих собак Корней всегда раздавал колхозным ребятишкам.

Вот и на этот раз семеро маленьких счастливцев с нетерпением ждали того дня, когда щенки немного подрастут и можно будет их взять у матери.

— Только, чур, — говорит Корней, — я отдам вам щенят с одним уговором. Пусть каждый придумает своему щенку новое имя. Придумает и держит про себя. Чтобы другие не повторяли. А то

в нашем селе и без того бегает десяток Полканов да штук двадцать Стрелок, а уж Шариков и не пересчитаешь сколько. Нужны новые имена.

— Придумаем, — сказали ребята. И придумали.

Настал день, когда можно было раздать детям щенков. Пришли ребята к Корнею Сергеевичу, и каждый шепнул ему на ухо новое, неслыханное в селе имя.

Шепнул первый мальчик — дядя Корней похвалил его. Шепнул второй — Корней Сергеевич тоже похвалил, но улыбнулся. Шепнул третий — старик захохотал. До шестого очередь дошла — весёлый дяденька Корней еле прокашлялся от смеха.

— Над чем это он? — удивляются ребята.

А когда они объявили вслух имена своих питомцев, всем стало смешно. Потому что шестерых щенят назвали Спутниками, а одного — Ракетой.

Ничего не сделаешь. В том году это были самые новые имена.



Крылатая изменщица



– Где и когда только не рассказывали эту сказку про животное, которое не птица, а летает, не щука, а зубаста. В темноте живёт, да не крот, зимой спит, да не в берлоге. А бывает, и с иным мальчонкой схожа.

— Чем же, — спросил внук старого сказочника, — мальчик не мышь, и крыльев у него нет. Чем?

— Пусть тебе ответит сказка. Слушай.

И старик повторил древнюю сказку.

Когда птицы воевали с грызунами и по всему было видно, что перевес за крылатым войском, Летучая Мышь примыкала к птицам и торжествовала вместе с ними победу.

Это удивляло птиц, и они спрашивали:

— Как тебе не стыдно радоваться поражению грызунов? Ведь ты же из их племени, ты — мышь! У тебя острые, как пила, зубы и длинный, тонкий мышиный хвост!



— Какая же я мышь, коли у меня крылья. Захочу — могу и в тёплые страны улететь.

Птицам нечего было возразить, и они признали мышь птицей.

Когда же побеждённые грызуны, оправившись после разгрома, переходили в наступление и разгоняли пернатых, Летучая Мышь прославляла вместе с ними исход сражения.

— Чему ты радуешься? Ведь у тебя же крылья!

— И рыбы бывают крылатыми, но их никто не называет птицами! Я Мышь! Мышь! — скрипуче пищала изменщица. — Я ваша кровная родня.

Так повторялось несколько раз и кончилось тем, что и пернатые, и грызуны, вплоть до маленьких мышек полёвок, не только отвернулись от вероломной притворщицы, но и решили расправиться с ней.

С тех пор Летучая Мышь стала прятаться на чердаках, в дуплах, скрываться в пещерах или трещинах скал, и только ночью, когда все спали, она стремительно и боязливо вылетала на промысел, чтобы не околеть с голоду…

— Вот и всё, милый мой, — сказал дед, — мне бы очень хотелось, чтобы ты запомнил на всю жизнь эту, не такую уж детскую, сказку и не повторил бесстыдство Летучей Мыши ни в дружбе, ни в любви, ни в верности земле, которую ты называешь родной.

Две пословицы



Бережливым мальчиком Костя рос. Даст ему мать пятачок или даже копеечку, Костя обязательно положит денежку в копилочку. А его дружок Федя — наоборот. Как только появится у него пятак или гривенник, обязательно чего-нибудь да купит. То зерна голубям, то корму рыбам, то собакам собачьей радости — колбасы.

Как-то случилась в большом селе ярмарка. Костя выгреб из своей копилочки пригоршню медяков и решил разных разностей накупить да семиголосую гармошечку. А Федя дома остался. Что ему на ярмарке без денег делать? Только глазеть.

Шёл Костя на ярмарку лесом, шёл — да заблудился. Вдруг видит — голубь летит. А голуби всюду летают, все дороги знают.

— Покажи мне, голубь, дорогу, — просит Костя. — Я тебе денежку дам.

Голубь на это отвечает:

— Зачем же мне денежка? У меня кармана нет. И кто ты такой, чтобы я тебе дорогу показывал?

— А я Федин товарищ, — отвечает Костя.

— Тогда другое дело, — говорит голубь. — Покажу.

Показал голубь Косте дорогу, и тот дальше пошёл. Идёт и видит: мост через реку снесло, а как брод найти, не знает. Вдруг, смотрит, плотвичка к нему подплывает и говорит:

— Я тебя, Костя, знаю. Ты Федин товарищ. Иди, я тебе брод покажу.

И показала.

Пришёл Костя на ярмарку. А на ярмарке много всяких людей. И хороших, и плохих. Вытащил плохой человек Костины денежки. Заплакал бедняга. Жалко. Столько времени копил.

Вдруг подбегает к нему кудлатая собака. Совсем чужая. Незнакомая. Узнала, в чём дело, и говорит Косте:

— Не горюй! Жди меня тут.

А у собак, известно, нюх хороший. Они всё могут вынюхать и узнать. Любого вора найдут.

Вынюхала собака, у кого Костины деньги, ото-

брала их да к Косте принесла. Принесла их Косте и кое-что ему на ухо шепнула.

Накупил Костя разных разностей, орехов-сладостей и семиголосую гармошечку. Идёт Костя домой и всех угощает разными разностями, орехами-сладостями. И птиц, и рыб, и пчёл.

Пришёл Костя к себе в деревню, нашёл Федю и подаёт ему семиголосую гармошечку.

— Вот тебе, мой хороший товарищ, подарочек!

Тот глазам не верит.

— Да что с тобой случилось, Костя? Какой ты добрый стал.

— Теперь я всегда таким буду, — говорит Костя и товарища обнимает.

Ничего не понимает Федя, что с Костей произошло. Не знал Федя, что собака на ярмарке Косте на ухо шепнула. А шепнула она ему две пословицы:

«Не имей сто рублей, а имей сто друзей».

«Бережливым быть хорошо, а добрым лучше».

Пичугин мост



По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы, — говорит один, — на пожаре ребёнка спасти!

— Даже самую большую щуку поймать — и то хорошо, — мечтает второй. — Сразу про тебя

узнают.

— Лучше всего на Луну полететь, — говорит третий мальчик. — Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку.



Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить

из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:



— Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди прямиком через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем… Или какое-нибудь ещё. А его все по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.



Надёжный человек



На первой парте и в первом классе сидел сын отважного лётчика-испытателя Андрюша Рудаков. Андрюша был крепким и смелым мальчиком. Он всегда защищал тех, кто послабее, и за это все в классе любили его.

Рядом с Андрюшей сидела маленькая худенькая девочка Ася. То, что она была маленькая и слабенькая, ещё можно было простить, но то, что Ася была труслива, — с этим Андрюша никак не мог примириться. Асю можно было испугать,

сделав ей страшные глаза. Она боялась каждой встречной собачонки, убегала от гусей. Даже муравьи, и те её страшили.

Очень неприятно было Андрюше сидеть на одной парте с такой трусихой, и он всячески старался избавиться от Аси. А её не пересаживали.

Однажды Андрюша принёс в стеклянной банке большого паука. Увидев страшилище, Ася побледнела и тут же перебежала на другую парту.

С этого и началось… Два дня Ася сидела одна, и учительница Анна Сергеевна будто бы не замечала этого, а на третий день она попросила Андрюшу остаться после уроков.



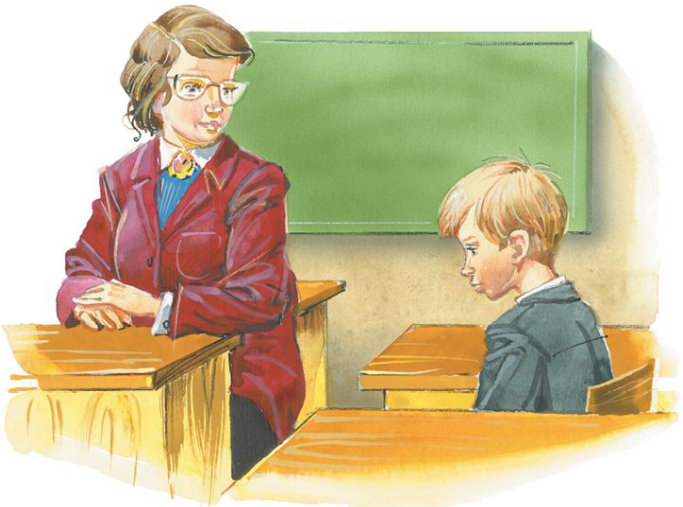
Андрюша сразу догадался, в чём дело, и, когда все ушли из класса, он, чувствуя себя виноватым, смущённо сказал учительнице:

— Я ведь не зря принёс паука. Я хотел приучить Асю ничего не бояться. А она опять испугалась.

— Что ж, верю тебе, — сказала Анна Сергеевна. — Кто как умеет, тот так и помогает расти своим товарищам, а я тебя позвала, чтобы рассказать одну маленькую историю.

Она усадила Андрюшу на его место за партой, а сама села рядом — на Асино.

— Много лет назад в этом же классе сидели мальчик и девочка. Сидели так же, как сейчас сидим мы. Мальчика звали Вовой, а девочку — Аней. Аня росла болезненным ребёнком, а Вова рос сильным и здоровым мальчуганом. Аня часто хворала, и Вове приходилось помогать ей учить уроки. Однажды Аня поранила гвоздём ногу. Да так поранила, что не могла приходить в школу: ни башмак нельзя надеть, ни валенок. А шла уже вторая четверть. И как-то Вова пришёл к Ане и сказал: «Аня, я тебя буду возить в школу на саночках». Аня обрадовалась, но запротивилась: «Что ты, что ты, Вова! Это будет очень смешно! Над нами будет хохотать вся школа...» Но настойчивый Вова сказал: «Ну и пусть хохочут!» С этого дня Вова ежедневно привозил и отвозил на саночках Аню. Сначала ребята смеялись над ним, а потом сами стали помогать. К весне Аня поправилась и смогла вместе со всеми ребятами перейти в следующий класс. На этом я могу закончить рассказ, если тебе не захочется узнать, кем стали Вова и Аня.



— А кем? — нетерпеливо спросил Андрюша.

— Вова стал прекрасным лётчиком-испытателем. Это твой отец Владимир Петрович Рудаков. А девочка Аня теперь твоя учительница Анна Сергеевна.

Андрюша опустил глаза. Так просидел он за

своей партой долго. Он живо представил саночки, девочку Аню, которая теперь стала его учительницей, и мальчика Вову, своего отца, на которого ему так хотелось походить…



Наутро Андрюша стоял у крыльца дома, где жила Ася. Ася, как всегда, появилась со своей бабушкой. Она боялась ходить в школу одна.

— Доброе утро, — сказал Андрюша Асиной

бабушке. Потом поздоровался с Асей. — Если хочешь, Ася, пойдём в школу вместе.

Девочка испуганно посмотрела на Андрюшу. Это он нарочно говорит так приветливо, от него можно ожидать всего. Но бабушка заглянула в глаза мальчику и сказала:

— С ним тебе, Асенька, будет сподручнее, чем со мной. Он и от собак отобьётся, и мальчишкам в обиду не даст.

— Да, — тихо, но очень твёрдо сказал Андрюша.

И они пошли вместе. Они шли мимо незнакомых собак и шипящих гусей. Они не уступили дорогу бодливому козлу-задире. И Асе не было страшно.

Рядом с Андрюшей она вдруг почувствовала себя сильной и смелой.



Знакомые следы



Никишин дедушка был садоводом в колхозе. А в свободное время любил на охоту ходить. Хорошим он был охотником. Все тайны лесные знал. Как-то показывал он своему внуку следы в лесу. Показывал да приговаривал:

— Век живи, век учись и во всё вникай. Никакое знание человеку во вред не бывает.

А Никиша слушал да думал про себя: «Все старики любят ребят поучать. Ну зачем мне звериные следы знать, когда я машинистом стать собираюсь. Электрические поезда водить». О поездах только и думал Никиша. Каждый болтик, каждую мелочь на электровозе разглядывал. Ребята тоже бегали вместе с ним на поезда смотреть.



Довелось как-то им возвращаться со станции в своё село прямой дорогой через лес. Ближе и веселее. Хорошо бежится по первому снегу. А на снегу множество всяких следов. Какой чей след, ребята не знают, а бегают по ним. Вдруг да лисицу увидят или дикого козлика. С зайцем и то неплохо встретиться. Бегали так они, бегали по следам да и заблудились. Испугались ребята. Кое-кто даже слезу пустил.

— Это твоя затея, Никишка… Как мы теперь выберемся, когда все тропинки снегом засыпало?

Молчит Никиша, не оправдывается. Думает, как ребят на дорогу вывести. Кричать стал. Да кто услышит его в глухом зимнем безлюдном лесу!

И вдруг Никиша увидел знакомые следы. Из всех следов, которые ему дед показывал, он только эти запомнил.

— Ура, ребята! — крикнул Никиша. — Идите за мной.

Долго шли ребята по этим следам и вышли к жилью. К лесниковой сторожке. А от сторожки до села наезженная дорога. И ночью не заблудишься.

— По каким же таким следам ты нас вывел? — спросили ребята Никишу.

— По собачьим, — ответил он. — Собачьи следы

всегда к жилью выводят. Сколько ни бегает собака по лесу — обязательно домой прибежит. Так дедушка меня учил.

Домой Никиша пришёл усталый, но счастливый. Улучив минутку, он обнял дедушку и принялся что-то шептать ему на ухо.

Наверное, спасибо говорил милому дедушке.



Дедушкин характер



На берегу большого сибирского озера Чаны есть старинное село Юдино. Там я частенько живал в доме старика рыбака Андрея Петровича. Старик овдовел и в большой семье был одинок до тех пор, пока на свет не появился внук. Тоже Андрей и тоже Петрович.

Все стариковские чувства, вся его любовь стали теперь принадлежать мальчику, который как бы начинал вторую жизнь Андрея Петровича. Во внуке дед узнавал свои черты, свой характер. Он так и называл его — «дедушкин характер».

Воспитывал внука сам Андрей Петрович. Помню, он говорил ему:

«Не можешь — не берись. А если уж взялся — сделай. Умри, но сделай!»

Внуку тогда было шесть лет.



Стояла морозная зима. Как-то я с маленьким

Андреем отправился на субботний базар. Народищу — черным-черно. Понавезли на базар и мяса, и пшеницы, и дров, и всего, чем богаты эти края.

Мальчику бросилась в глаза большущая замороженная щука. Она была воткнута хвостом в снег. Не знаю, сколько весила эта щука, только её длина была в добрых полтора роста Андрюши.

— Как только ловят таких щук? — осторожно спросил меня Андрей.

И я рассказал, что для ловли больших щук берут крепкий шнур, делают поводок из мягкой кручёной проволоки. Сказал также, что для насадки крупного живца и крючок должен быть побольше, покрепче, чтобы сильная рыба не сломала, не погнула его.

Об этом разговоре я забыл и вспомнил только после того, как произошло нечто удивившее меня.

Мы сидели и сумерничали с Андреем Петровичем в горнице. Старик то и дело поглядывал в окно. Поджидал внука.

Маленький Андрей, как и многие другие его одногодки, часто рыбачил на озере. Мальчики продалбливали во льду лунки и опускали в них свою нехитрую рыболовную снасть.

Без удачи ребята домой не возвращались. Озеро

Чаны очень богато рыбой. Для удильщиков здесь сущее раздолье.

— Не приключилось ли что с ним? — забеспокоился старик. — Не побежать ли мне на озеро?

Я вызвался пойти туда вместе с Андреем Петровичем. Оделись, вышли на лёд. Озеро в ста шагах. Мороз под двадцать — двадцать пять градусов. Тишина да снег. Никого.



Вдруг я заметил чёрную точку:

— Не он ли?

— Не иначе, что он, — сказал старик, и мы направились к чёрной точке, которая вскоре оказалась внуком Андрея Петровича.

Мы увидели мальчика в обледеневших слезах. Руки его были до крови изрезаны рыболовным шнуром. Он явно поморозил нос и щёки.

Старик подбежал к нему и начал оттирать снегом лицо мальчика. Я взял из его рук шнур. Для меня стало сразу всё понятно: мальчик поймал щуку, которую не мог вытащить.

— Побежим, внучонок, домой, — торопил его дед.

— А щука-то? Как же щука? — взмолился мальчик.

Тем временем я вытащил щуку. Утомлённая рыба не сопротивлялась. Это была одна из тех щук, которых привозят на базар не столько для барыша, сколько для погляда. Их мясо невкусно и жёстко.

Щука недолго билась на морозе.

Дед с гордостью посмотрел на громадную рыбину, потом на внука и сказал:

— Не по плечу дерево… Ну, да ведь ты не знал, что разбойница тяжелее тебя попадёт. Давно ли

попалась-то она?

И мальчик ответил:

— В обед.

Андрей Петрович улыбнулся в бороду:

— Значит, ты с ней часа четыре валандался.

— Долго! — ответил, повеселев, Андрюша. — А привязать было не к чему.

Старик, оттерев лицо и руки мальчика, повязал его, как платком, своим шарфом, и мы отправились к дому. Уснувшую щуку я тянул за собой по снегу на шнуре.

Дома Андрюшу раздели, разули, натёрли снадобьями, перебинтовали его изрезанные руки. Он вскоре уснул. Спал тревожно. У него был лёгкий жар. Он бредил во сне:

— Не уйдёшь, зубастая, не уйдёшь!.. У меня дедушкин характер.

Андрей Петрович, сидя на дальней лавке горницы, незаметно вытирал слёзы.

К полуночи мальчик успокоился. Жар спадал. Наступил ровный, спокойный детский сон.

Старик в эту ночь не сомкнул глаз. А утром, когда Андрюша проснулся, старик сказал ему:

— А всё-таки ты, Андрей Петрович, худо дедов наказ помнишь! Не по своей силе рыбину задумал поймать. Крюк-то гляди какой привязал — как

якорь… Значит, именно ты метил срубить дерево не по плечу. Худо это, худо…

Мальчик, потупившись, молчал.

А дед продолжал внушать:

— Ну, да первая оплошка в счёт не идёт. Она как бы за науку считается. Впредь только таких щук не лови, которых другим за тебя надо вытаскивать. Стыдно это. Народ просмеивает тех, что не по спине мешок на себя взваливают, что не по кулаку замахиваются… А то, что ты не отступился от неё, — это правильно.



Тут два Андрея Петровича обменялись улыбками, потом обнялись.

Щука лежала в сугробе, припорошенная снегом. Когда же пришла суббота, Андрей Петрович вынес её на базар и воткнул хвостом в снег. Он просил за неё слишком дорого, потому что ему вовсе не хотелось продавать эту чудо-рыбину. Ему нужно было рассказать людям, каков характер у его внука, Андрея Петровича Шишкина, шести лет от роду, который знает уже одиннадцать букв и может считать до двадцати без осечки.



Славка



У агронома в колхозе «Ленинские искры» подрастал сын Славик. Когда мальчику исполнилось шесть лет, он заявил отцу:

— Папа, я тоже хочу быть агрономом. Я тоже,

как ты, хочу выращивать хорошую пшеницу.

— Это очень приятно, — согласился отец. — Давай я отведу тебе поле.

И агроном отвёл своему сыну поле в палисаднике перед окнами дома, где они жили. Поле мальчику показалось очень небольшим. Оно было в один метр длиной и в один метр шириной — квадратный метр.

— Это не беда, — сказал отец. — И на этом поле можно вырастить знаменитую пшеницу.



Вскоре мальчику было показано, как нужно рыхлить землю, на какую глубину засевать маленькую пашню пшеничным зерном и как нужно за ней ухаживать.

Когда появились всходы, Славик очень обрадовался. Он тщательно пропалывал их, а когда земля подсыхала, поливал своё крошечное поле из маленькой лейки.

Пришло время убирать урожай. Славик вместе с отцом срезал колосья, а затем занялся молотьбой. Молотили дома на столе. Молотили карандашом, выбивая из каждого колоска зёрна.

Зёрен оказалось много. Ими можно было засеять всю землю палисадника.

Но отец сказал:

— Давай посеем только лучшие зёрна.

И Славик стал отбирать лучшие зёрна пшеницы — самые большие, самые пузатенькие.

Нелегко было перебрать весь урожай. Не один час потратил Славик в долгие зимние вечера на сортировку зерна. Лучшие взял для семян, а остальные скормил уткам.

Пришла весна. Весной Славик снова перебрал отобранные семена и снова вместе с отцом взрыхлил и удобрил своё маленькое поле. Теперь уже отец работал меньше и меньше указывал.

Весело зазеленели всходы. Выше поднялись стебли. И понятно почему: поле было засеяно лучшими из лучших семенами. А когда появились большие колосья и стали наливаться тяжёлым зерном, Славик часами просиживал у своего поля. Он не мог дождаться урожая. Очень ему хотелось узнать, каким будет на этот год зерно.

Но однажды пошёл дождь с крупным градом. И Славик заплакал. Он боялся, что град погубит урожай, а поле закрыть было нечем. Но бабушка бросила через окно большой отцовский зонт, и мальчик раскрыл его над полем. Град больно хлестал Славика, потому что сам-то он был не под зонтом. Он держал зонт на вытянутой руке над своим полем. Из глаз Славика катились слёзы. Но Славик не уступил граду, не ушёл с поля.

— Ты настоящий мужчина, — сказал ему отец. — Только так и можно было защитить дорогие семена.

Чудесный урожай собрал Славик на вторую осень.

Теперь он уже знал, как нужно подсушить колосья, как их обмолотить, легонько постукивая по ним карандашиком. Не дожидаясь совета отца, Славик отобрал самые крупные зёрна. Их нельзя было сравнить с прошлогодними. Те были куда

мельче и легче.



На третий год Славик засеял поле самостоятельно. Он хорошо удобрил землю. Хорошо взрыхлил и засеял два квадратных метра. Он переходил уже во второй класс, и ему было под силу справиться с таким опытным полем. И он справился. К тому же ему помогал школьный товарищ.

Намолотив осенью достаточно пшеницы, маль-

чик пригласил сортировать зёрна друзей из своего класса, и те предложили Славику засеять большое поле.

Сказано — сделано.





Весной ребята огородили большое поле в школьном саду — поле в десять метров длиной и в два метра шириной.

Славика ребята избрали главным агрономом и слушались его во всём. Кропотливо рыхлили землю и пололи сорняки.

Летом пшеница заколосилась ещё лучше, чем

в прошлые годы. Заколосилась так, что на неё обратили внимание старики колхозники. Какая это была радость!

Однажды председатель колхоза сказал шутливо Славику:

— Товарищ главный агроном, продай колхозу урожай на семена.

Славик покраснел. Ему показалось, что председатель смеётся над его полем. А председатель не смеялся. Осенью он пришёл на обмолот урожая. Урожай теперь молотили почти всем классом Славика. Молотили в тридцать два карандаша.

— Давайте, молодые семеноводы, засеем этим хорошим зерном большое поле. Вместе, — предложил председатель.

Ребята согласились. И вот наступил пятый год. Ребята вышли на сев вместе с колхозниками. И вскоре был снят пятый урожай. Теперь его уже нельзя было обмолотить даже тысячей карандашей. Молотили на току, по старинке, ударяя колосьями по плетёному коробу. Боялись повредить зёрна.

Через год-другой новым чистосортным пшеничным зерном засевались поля соседних колхозов. За ним приезжали издалека.

...Когда я приехал в колхоз «Ленинские искры»,

мне показали эту отличную пшеницу и сказали:

— Называется этот сорт «славка».

Тогда я спросил, почему так называется эта пшеница и откуда взялось это название. Может быть, от слова «слава» или «славная»?

— Да нет, нет, — ответил председатель. — Она так называется от имени Вячеслав, которого в детстве звали Славиком, а попросту — Славкой. Я познакомлю вас с ним.

И меня познакомили с высоким голубоглазым застенчивым юношей. Он был очень смущён, когда я стал расспрашивать о пшенице, а потом рассказал историю этой пшеницы, начиная с первого урожая в палисаднике.



Дудилка

Маленькому Васятке очень хотелось попасть в оркестр при Дворце культуры своего совхоза, а его не принимали.

— Тебе ещё семи нет, и ты не только ни одной ноты не знаешь, но и читать не умеешь.

— Зато я умею играть, — защищался Васятка и показывал свою самодельную флейту из тростника.

Её смастерил дедушка и научил внука игре на ней.

Мальчонку гладили по головке и добродушно смеялись над ним:

— Да кому же нужна твоя игра на писклявой дудилке! Что это за музыкальный инструмент! Один визг.

— Зато, — настаивал Васятка, — я могу сыграть на ней такое, чего никто не играет.

На Васятку махнули рукой и перестали обращать на него внимание.

Мальчику было очень обидно. Ему так хотелось, чтобы послушали его игру. Он даже плакал тайком, а дедушка утешал его:

— Не горюй, мой маленький соловушка. Играй себе да играй. Я тебе новую громкую дудилочку сделаю, на все лады. Придёт время. Может быть, тебя сами позовут в оркестр. Играй знай. Высвистывай то, что тебе хочется. Не пропадёт твоё старание.

Васе, конечно, были приятны дедушкины утешения, но всё же верить им не очень хотелось. А играть Васятка не переставал. И особенно хорошо получалось у него на новой дудилке. Звонко звучала она. Чистый был у неё голосок, и всякие самые разные на ней переливы можно было выигрывать.





Так играл Васятка до школы, а потом, поступив в школу, тоже не забросил своей игры.

Однажды он играл, забравшись на дерево. Коли дедушка называет его соловушкой, то на дереве играть в самый раз.

Разыгравшись и закрыв глаза, Вася не заметил, что под деревом остановился приезжий пожилой человек и с замиранием слушал его игру. Слушал

долго, так долго, что даже устал стоять и сел под деревом.

Когда Вася спрыгнул на землю, он очутился лицом к лицу с неизвестным седым, очень красивым, похожим на артиста дяденькой.

Он спросил:

— Милый мой, кто тебя научил такой игре?

— Да никто. Сначала дедушка, а потом сам начал играть…

— Сам? А кто тебе придумывает то, что ты играешь? Не сам же?

— Нет, конечно… — ответил Вася. — Наверно, слышал где-то, но получается это у меня как-то само собой, когда я закрываю глаза.

В этот же день Вася оказался у седого незнакомца в гостинице и там играл ему. Так играл, что прослезил своего слушателя. И тот обнял его. Обнял и сказал:

— Вася, да ты же композитор!



— Кто? — переспросил мальчик.

— Композитор, — повторил тот, — что значит сочинитель музыки. Пока ещё будущий, — поправился незнакомый красивый седой человек, — но несомненный и настоящий.

В совхозе, где жил Васятка с дедушкой, ахнули, узнав от приезжего знаменитого музыканта о та-

кой похвале. И ещё больше удивились не только в совхозе, но и во Дворце культуры, когда пришло из Москвы приглашение в музыкальное училище. Вася приглашался вместе с дедушкой. Как он мог расстаться с ним, да кто бы разлучил их…

А дальше… Дальше шло очень хорошо. Очень. Но не в этом дело.

А дело в том, что многие, очень многие люди, не в одном только совхозе, где жил Васятка, поняли, как важно разглядеть дарование в самом раннем возрасте. И не только музыкальное дарование, а всякое другое… Ведь в любом деле оказываются свои соловьи-соловушки, самоцветные камушки — свои будущие мастера.



Про Вову и кошку



В годы войны у знаменитого сказочника Павла Петровича Бажова жил и воспитывался его ше-

стилетний внук Вова. Вова рос пытливым, но довольно озорным мальчиком. За ним, как говорили в доме Бажовых, нужны глаза да глазки, чтобы мальчуган не напроказничал, не натворил самое неожиданное.

Однажды Вове пришло в голову не просто неожиданное, а невероятное. Он опустил вниз головой в трубу горящего самовара кошку.

Кошка с опалёнными усами и обожжённой мордой ошалело метнулась на шкаф. Она невыносимо громко и душераздирающе кричала, другого слова и не подберёшь. Она будто требовала защиты.

Вова перепугался. Он явно не ожидал этого.

Хотя ожоги были не такими уж страшными, всё же Вова заслуживал хорошей трёпки. Этого я и ждал от Павла Петровича. Он же, будто не заметив случившегося, ничего не сказал. Ни одного слова.

Вмешиваться и что-то советовать человеку намного старше меня мне было неудобно. Тем более неуместно было предлагать наказание.

Наказание пришло на другой день. И какое? Самое неожиданное.

Павел Петрович всего-навсего вывесил под потолком лист бумаги, назвав его «стенной

газетой». В ней кратко крупными буквами излагалось совершённое злодеяние и называлось имя виновника.

Сначала такому внушению никто не придал значения. И тот же Вова говорил:

— Подумаешь… Дедушка газету вывесил… Кто её читать будет?..

Вскоре же оказалось, что всякий приходящий читал эту «газету». Читал и громко сокрушался: «Неужели такой хороший мальчик до этого дошёл…» И начинались рассуждения, сожаления минут на двадцать. А Вова прятался за шкафом и слушал, что говорят о нём. Я думаю, это было не лёгкое для мальчика слушание.

Вова и я находились в приятельских отношениях. Я любил проказника. И всё же меня настораживал поступок с кошкой. Что там ни говори, а это была жестокость, хотя, может быть, и не вполне понимаемая им. Вова, заметив, что моё отношение несколько изменилось, однажды подошёл ко мне и сквозь слёзы сказал:

— Я всё понял, но не знаю, что теперь делать… Никто не жалеет меня.


Пазур

Мальчик так искренне огорчался, так чистосердечно винил себя, что я решил выступить его защитником.

При нём и при всех, кто был дома, я обратился с большой речью к Павлу Петровичу. С такой речью, которая раскрывала бессердечие некоторых детей, не знающих, что такое жестокость.

Я подбирал самые убедительные для возраста Вовы слова, как настоящий судейский защитник, как адвокат, я приводил самые наглядные примеры.

Я обращался даже к пострадавшей — кошке, тёршейся у моих ног, настаивая на помиловании обвиняемого, которое он заслуживает не только потому, что раскаялся, но и потому, что преступление совершено им впервые и по малолетству. Речь я кончил такими словами:

— Дорогой Павел Петрович, вы же не только судья, но и дед вашего перестрадавшего за эти дни внука. Снимите, пожалуйста, эту страшную стенную газету!

— Хорошо, — согласился Павел Петрович, — я сниму её, чтобы не позорить далее честное имя Владимира. Он, как я заметил, стал очень внимателен к выздоравливающей кошке. Но… — поднял Бажов указательный палец, — при условии,

если вы письменно поручитесь за него.

Далее началось составление, написание, прочтение поручительского обязательства, которое я подписал.

— Смотрите же, — строго сказал милейший и добрейший Павел Петрович, — вы ручались, с вас и будет самый строжайший спрос…

Газета была торжественно сожжена мною в трубе того же самовара.

Вова после этого отдавал кошке колбасные шкурки, рыбные объедки, не прогонял её, когда эта надоедливая баловница мешала ему. Он проникся уважением и ко мне, почтительно разговаривая теперь со мною на «вы».



Сластёна-своевольник



Большим уже вырос Славик и очень многое знал. Знал он, как чайник кипит, где хлеб растёт, почему ночью темно. Умел Славик отличать ворону от голубя, умел ягоды собирать и башмаки зашнуровывать. Толковым пареньком рос Славик. Во всём.

Знал Славик, что леденцы вкуснее каши, что мороженое лучше щей, что сахарной помадки можно съесть больше, чем хлеба. Многое знал… Одно только было непонятно ему — в чём сила? Почему его товарищи проворнее? Почему они быстрее бегают и выше прыгают, дальше ходят и дольше не устают? Как они могут делать то, что Славик не может? Ведь ему тоже пять лет.

Бледным рос Славик. Хилым. Ручки слабенькие.

Ножки тоненькие. Шея как спичечка. Бабушка с мамой говорили, что это всё у Славика от сладкого. Оттого что он щи с кашей не ест, а сахар, конфеты, варенье — за моё почтенье. Весь день готов есть.

Но ведь конфеты вкусные. Кто-то должен знать, почему это так. А кто скажет, кроме дедушки? Дедушка всё знает, всё умеет.

— Пожалуйста, — просит Славик, — скажи, почему я щи, кашу да чёрный хлеб есть не могу? Я и без мамы понимаю, что на одних конфетах здоровье не наживёшь. А я люблю их, дедушка, очень люблю. Разве я виноват?

— А я и не виню тебя, внучек, — отвечает дед. — Я тоже маленьким был и по себе знаю, кто виноват.

— А кто?

— Язык во всём виноват. В языке дело.

— Какой язык, дедушка?

— Мой. Вот этот, — сказал дед. — Сластёной он был у меня. Да ещё своевольником. Всё хотел делать как ему надо. Поставит мне мать щи, а он мёду требует. Принесёт мать кашу, а он: «Не хочу, давай пряников!» Командует надо мной. Распоряжается. Велит есть что ему по вкусу, а мне во вред. А я, дурачок, поддаюсь ему — слушаюсь.

Что скажет, то и делаю. И до того меня мой язык довёл, что я еле ноги таскать начал в семь-то лет. Малолетки и те меня вперегонки оставлять начали. Кошку поднять не мог…





— И что же ты, дедушка? Как же ты?

— Справился. Нелегко было, а справился. Не дал языку над собой командовать, и всё. Он сахару просит, а я ему хлеба с солью даю. Он леденцов требует, а я его кашей потчеваю. Он к конфетам меня подсылает, а я его к щам веду. Недели не прошло, как понял язык, кто из нас главный, кто моими желаниями управляет. Смирился баловень. Умолк. Не стал кричать: «Мама, дай сахару!» Я его, шельмеца, и теперь в строгости держу. От этого руки видишь какие у меня. А ноги сто вёрст прошагать могут. И щёки розовые.

Ничего не ответил Славик, только твёрдо ре-

шил подчинить себе свой непокорный язык и стать таким же сильным, как дедушка.

Настоящий друг был у Славика — дедушка. С таким не пропадёшь.



Толковый мальчик



Из всех дедушкиных былей-небылей Миша больше всего любил рассказ про хмельную вишню. Рассказ про то, как жадная мельничиха, чтобы не выбрасывать вишню, на которой наста-

ивала настойку, решила скормить ягоды уткам. И как утки съели эти хмельные ягоды и повалились вверх лапками.

Очень смеялся Миша, когда жадная мельничиха хмельных уток приняла за дохлых и ощипала их до пёрышка, чтобы добро не пропадало.

Ещё громче хохотал Миша над концом рассказа, когда голые, ощипанные утки в себя пришли. Ожили. На ноги поднялись, и мельничиха на всю улицу выла: уток жалела.

И дед хохотал, рассказывая внуку эту смешную байку.

А внук вдруг задумался и сказал:

— А что, дедушка, если лесную птицу хмельными ягодами накормить… Бери тогда большущих тетеревов без ружья.

Дед вначале посмеялся над внуковой выдумкой, а потом задумался. И было над чем.

В тайге зимой тетерева держатся стайками. Голодные птицы падки на всякую пищу. И если насыпать тетеревам хмельных можжевёловых ягод, брусники, черники и всего того, чем они кормятся, может быть, и в самом деле без ружья можно будет птицу добывать.

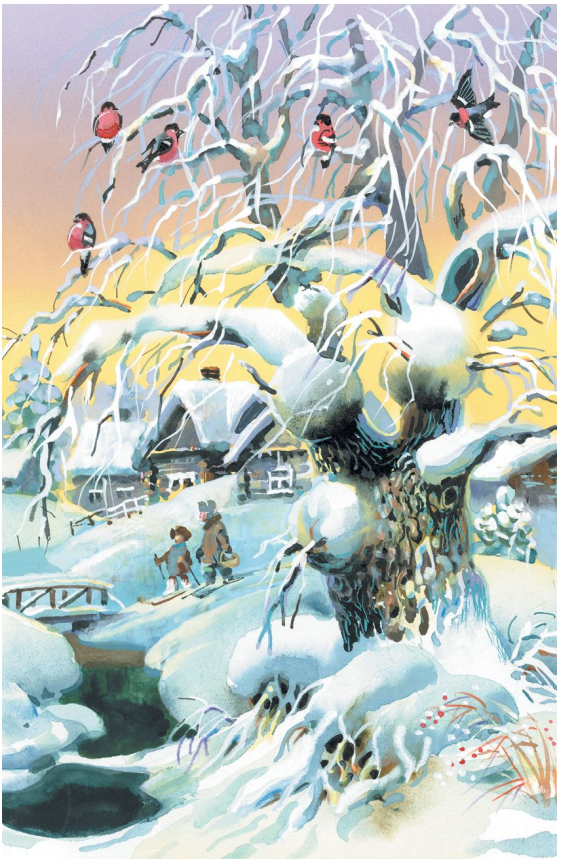
Поразмыслил дед над внуковой подсказкой и принялся настаивать хмельные ягоды. Хоть и не

верил дед в эту хитрость, а отчего не попробовать, внука не потешить.

Настоял дед множество ягод. Чуть не целое лукошко их наморозил. Отправился с внуком в тайгу на тетеревиное место. Поставил кормушечку в виде столика, насыпал на стол хмельное угощение и был таков.

— Вечером, внук, придём. Посмотрим, что будет.

Пришёл Миша с дедом под вечерок. Крадутся к полянке. Видят: по кормушке большущий тетерев ходит. Пошатывается.





— Не спугнуть бы, — предупреждает дед.

Какое там. Тетерев себя не помнит — никого не видит. Бормочет, как пьяный дурак. Бери и клади его в мешок.

Так и сделали.

— А корм где? — спрашивает дед. — Неужто всё лукошко ягод один съел?

Сказал так и видит — неподалёку от кормушеч-

ки другой пьяненький тетерев валяется. А потом и третий…



Стали ходить вокруг хмельной привады и столько хмельных тетеревов набрали, что и мешок тесен оказался.

Чуть не в пляс пустился дед. И не столько добыче рад, сколько тому, что внук его, Миша,

сообразительным, толковым мальчиком растёт. А это всего дороже.

Дорого было и то, что не для погибели внук заполучил столько тетеревов, а для пользы оскудевших дикой царь-птицей лесов. На другой день приехали из птичьей переселенской конторы и спрашивают:

— Ну как, Мишенька, протрезвели твои крылатые забулдыги?

— В полной исправности, — отвечает вместо Миши дед. — Только я им для опохмелки ещё винной брусники подсыпал, сонными-то им легче будет дальнюю дорогу перенести. И не почуют, как за тысячи вёрст окажутся и дальний лес за свой родной примут. Примут и птенцов высидят. А птенцы-то, — шутит дед, — подрастут и постоянную прописку получат: тульскую, брянскую, московскую, питерскую… Одним словом, ту, куда умчат их на «Ту»…

Счастливый Миша получил за бескровную охоту что положено и хороший сон увидел. Тетерев к нему прилетел и пробормотал, на спинке стула сидючи:

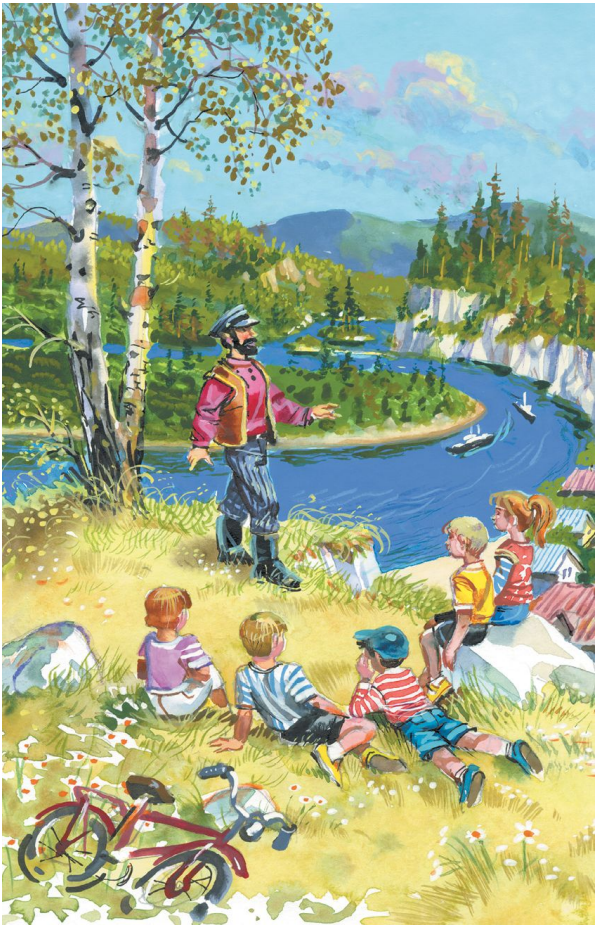
— Спасибо тебе, Михаил Семёнович, за то, что меня без моего испуга взял, страху не нагнал в меня и в богатый кормом лес переселил… За

это жалую тебе почётный значок на школьную курточку…

Удивительного в том нет, что тетерев во сне Мишу значком за охрану природы наградил. Во сне всякое случается. Но то, что проснувшийся Миша на своей школьной курточке приколотый тетеревиной лапой значок за охрану природы увидел, это уж ни в какие ворота не лезет, если не считать, что у внука дед был, который умел всякие и разные сны показывать и своего Мишеньку похожим на себя растить… Добрым, умным, толковым мальчиком…



Ребячий песельник



Пел в наших краях голосистый песельник. Звонко пел. Далеко его было слышно.

Все любили песельника. Одного только понять не могли: почему он поёт для ребят, для малых птах песни выдумывает.

— Пел бы ты, песельный мастер, для нас, — говорят ему однолетки, — больше бы проку было. Ни одно бы веселье без тебя не обошлось. В достатке бы жил. Златом бы, серебром одарили тебя. В хоромы бы поселили с таким голосом. Жил бы ты в славе, в почёте. В богатстве.

А песельник молчал да отмахивался. С нуждой спорил. И, как всегда, пел только для маленьких. Пел им о труде. О любви. О честности. Пел про дружбу. Про храбрость. Про чистоту души.

И так год за годом, песня за песней — состарился песельник.

Над ним уж было посмеиваться начали:

— Зря голос пропел.

…Невдомёк просмешникам было, что большие-то да учёные люди из маленьких на его песнях выросли. Чистыми. Честными. Работящими.

Вот как оно бывает…



